

УДК 159.9; 316.4

DOI: 10.17223/17267080/70/10

И.А. Николаева, Ю.И. Зайнулина

Курганский государственный университет (Курган, Россия)

Образы Других в сознании педагогов, проживающих в городе, селе и северном поселении

Описаны образы Других, представленные в сознании педагогов. Предполагается, что образы Других имеют специфику, обусловленную особенностями социализации человека в месте его проживания. Проведен анализ институционально-ролевого состава и ценностных оценок Других у педагогов из города, села и северного поселения. Использована авторская методика имплицитного анализа ценностных отношений к себе и Другим. Найдены различия ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$) между группами. У педагогов города преобладают значимость реальных Других в противовес виртуальным, ориентация на коллег, высокая самооценочность и критичность к Другим. Для педагогов села характерны ориентация на семью и соседей, сниженная значимость профессиональной среды и сниженные оценки Других. У педагогов северного поселения наибольшая значимость и позитивная переоценка профессиональной среды сочетаются со значимостью виртуальных Других и отчуждением от школьной среды.

Ключевые слова: образы Других; значимые Другие; место проживания; педагоги; институционально-ролевая структура; ценностные отношения; имплицитная значимость; социализация.

Другой и Другие – это важнейшая многоаспектная предметная область социальной психологии. Отношения к себе и Другим являются профессионально значимыми для учителя. Они важны для эффективного взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса, а также для социально-психологического здоровья учителя, его личностной самореализации и жизни в целом.

В концепции И.А. Николаевой [1], базирующейся на идеях Л.С. Выготского, А.В. Петровского, В.А. Петровского (Петровский А.В., Петровский В.А., 1982, 1985, 1991), образы Других в сознании субъекта рассматриваются как репрезентанты социальной ситуации развития личности. Другие, доступные сознанию человека, легко воспроизводимые им в процессе свободного ассоциирования, интерпретируются нами как включенные в текущие интересы человека, актуальные для настоящего периода жизни. Доступность сознанию мы рассматриваем как объективный признак имплицитной значимости Другого.

Другие, составляющие содержание сознания, несут в себе разноплановую информацию и отличаются разным уровнем значимости. После-

дующая осознанная оценка образов Других, доступных сознанию, позволяет уточнить контексты и уровни значимости Других. Образы и оценки Других, субъективные по своей природе, удобны для объективной количественной оценки различных параметров социализации или социальной ситуации развития.

В настоящей работе анализ образов Других проведен по следующим компонентам:

1. Типичные *институциональные роли*, представленные образами Других. Спектр институционально-ролевой структуры Других дает картину избирательности социально-ролевых отношений, указывает на включенность [2] педагогов в определенные социальные группы.

2. *Ценностные отношения* к себе и Другим, проявляющиеся в *ценностных оценках* Других.

Ценностное отношение и ценностная оценка, в отличие от эмоциональной оценки, являются максимально обобщенными, связанными с контекстом осознаваемого «настоящего периода жизни», а не текущей ситуации. Критерии ценностной оценки далеко не всегда осознаются, они переживаются как обобщенные категории «наилучшего», «высшего», «идеального» или «наихудшего», «ужасного», «антиидеального» и т.п. Важнейший критерий – ценность Я, или самооценочность. Ценностная оценка в системе критериев «антиидеальное–Я–идеальное» позволяет упорядочить социальные, межличностные, смысловые отношения индивида на основе значимости для настоящего периода жизни. Ценностные критерии функционируют как «установки ценностного оценивания» [3].

Указанные критерии, или установки ценностной оценки, позволяют выделить параметры ценностных отношений к себе и Другим, характеризующие общее позитивное / негативное мировосприятие человека, соотносительную ценность себя и Других, склонность к идеализации в контексте настоящего периода жизни. Это следующие параметры:

- самооценочность (интегральная самооценка);
- склонность оценивать Других как «идеальных»;
- «порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения;
- склонность оценивать Других как «антиидеальных»;
- «порог антиидеального» как степень отличия «антиидеального» от абсолютно низкого значения;
- склонность ценить Других «выше среднего»;
- склонность ценить Других «выше Я»;
- склонность ценить Других как «равноценных Я».

Таким образом, отношения к себе и Другим в настоящей работе описываются как *институционально-ролевая структура Других, представленных в сознании индивида, и особенности ценностного отношения к ним*, что и является **объектом исследования**.

Место проживания как фактор социально-психологических явлений

Место проживания является интегральным фактором среды. В психологии рассматриваются такие *феномены*, как «чувство места» [4], привязанность к месту [5], значение и смысл места [6], идентичность с местом [7], идентичность с окружающей средой в ее различных аспектах [8]. Место проживания имеет социально-экономические, культурно-исторические, экологические аспекты, климатические условия и ландшафт, численность города и уровень урбанизации, уровень миграции и т.д.

В связи с масштабом города изучаются *феномены самосознания*: идентификация с сообществом и социальное поведение [9]; личная / коллективная идентичность и чувство счастья [10]; ценности, смыслы и представления о реализуемости базовых ценностей [11–14]. С.А. Богомаз [14] указывает на взаимосвязь ощущения полноты, осмысленности жизни со степенью «вовлеченности в мир», в процессы общественных изменений, которые предоставляют человеку возможность пользоваться всеми ресурсами свободы современного развивающегося общества. Наибольшей степенью «вовлеченности» характеризуются крупные промышленные города, региональные центры.

Изучаются также *представления* о большом и малом городе [15]. Образ «города-мечты» близок у жителей большого и малого городов и приближается к реальности малого города, соразмерной человеку [16].

В связи с устойчивостью социальной среды и сменой места жительства описаны специфические *мотивационно-поведенческие феномены*: мотивация достижения и мотивация дефицита [17]; индивидуальный образ возможного будущего [18]; мотивация к расширению своей социальной сети, озабоченность по поводу социальной поддержки в новом месте проживания [19]; специфическая структура дружеских связей [20].

Психология педагогов села, города и северных поселений

Современные сравнительные данные о психологии педагогов в выбранных для исследования регионах России невелики. Педагоги *северного региона* изучаются в связи с национальной культурой, климатом, миграционными процессами. Прежде всего проявляется интерес к функциональному состоянию и здоровью педагогов [21], изучается этнокультурная компетенция, социально-психологическая адаптация [22], профессионально-личностное самочувствие педагогов Севера [23].

Психологические исследования педагогов *малого города* обращены на ценностно-смысловые характеристики профессиональной самореализации личности [17] и на профессиональное самочувствие [23]. Е.А. Соколовой описан стереотипный образ учителя в прессе провинциального города, который может служить обобщенной характеристикой представлений о педагоге малого города: «любовь к детям и доброта (45%), погруженность

в свою специальность (60%), организаторские способности (65%)... организованная и сосредоточенная на работе опрятная женщина средних лет... с не вполне благополучным материальным положением» [24. С. 182].

Е.А. Кукуев в сравнении города и села, педагогов и учащихся находит, что жители села выше оценивают потенциальные возможности своей среды, чем горожане [25]. В группе педагогов автор выявил паттерн ценностей: работа посредством индивидуализации и повышения собственной значимости – материальная обеспеченность как свобода – полнота жизни и любовь в семье.

Специфика социальной психологии *сельского педагога* рассматривается в аспектах взаимодействия педагога с родителями [26], коммуникативной компетентности, исполняемых социальных ролей [27]. Л.В. Байбородова на основе педагогического опыта дает обобщенную социально-психологическую характеристику сельским педагогам: «Сельский учитель – это энтузиаст, патриот школы, села, предан своему делу, заботлив и трудолюбив, скромен и бескорыстен, воспринимает учеников как своих собственных детей». Автор указывает на «большие эмоциональные перегрузки в сравнении с городскими учителями»; отмечается «психологическая напряженность педагога в связи с ограниченностью, бедностью его социальных и профессиональных контактов, в то же время перегруженностью и многоаспектностью проблем, которые приходится ему решать», «тревожность, неуверенность в своих силах и возможностях, заниженная самооценка», «стереотипность в решении учебных и воспитательных задач» [28. С. 32–35].

Описание отношений к себе и Другим подразумевается во всех работах, но систематически Другие и отношение к ним не изучаются.

Таким образом, задача выявления и описания структуры *значимых Других и ценностных отношений к ним* у педагогов из разных мест проживания имеет теоретическую и практическую значимость для понимания региональных особенностей социализации педагогов и их педагогической деятельности.

Основная цель работы: описать и сравнить особенности образов Других, представленных в сознании педагогов из трех мест проживания.

Предмет исследования: институционально-ролевая *структура значимых Других и особенности ценностного отношения к ним* у педагогов, проживающих в городе, селе и северном поселении.

Методы и процедура. Метод сбора данных – «Ценностная вертикаль» И.А. Николаевой [29, 30]. Работа респондентов включает три этапа: 1) актуализация Других, доступных сознанию (участники записывали всех людей, «кто приходит в голову» под порядковыми номерами в количестве 50 чел.); 2) приписывание атрибутов (участники указывали институциональную роль каждого Другого и добавляли «одно-два слова, что я могу сказать об этом человеке»); 3) ценностная оценка (участники отмечали «место» каждого на неградуированной вертикальной шкале «антиидеальное–Я–идеальное»). Параметры ценностных отношений указаны выше. Методы анализа данных: описательная статистика, контент-анализ, оценка

значимости различий по t-критерию Стьюдента для независимых групп, кластерный анализ методом k-средних Мак Куина.

Выборка: три группы учителей-женщин, отличающихся местом проживания: 113 чел. из Мишкинского района Республики Башкортостан, 78 чел. из г. Стерлитамака Республики Башкортостан, 75 чел. из поселка Нижний Сортым Ханты-Мансийского округа, из которых 52 – приезжие. Сбор данных проведен с 2010 по 2012 г. Средний возраст учителей – 42 года.

Результаты исследования

Институционально-ролевая структура Других. В списке каждого участника из 50 Других в среднем 15 человек были представлены **единичными** ролями (например, «подруга сестры», «продавщица», «уборщица в школе») или обозначались как «знакомые». Их мы не включили в дальнейший анализ. Остальные персонажи списков относились к категориям «родственники», «коллеги», «ученики», «друзья», «соседи», «звезды»¹. Эти роли стали основой сравнительного межгруппового анализа. В табл. 1. представлена институционально-ролевая структура Других в трех выборках. Кроме того, для «коллег» и «учеников» учитывался позитивный или негативный характер приписанных атрибутов.

Таблица 1

Количество упоминаний институционально-ролевых категорий в группах городских, сельских педагогов и педагогов северного поселения

Категории анализа	Среднегрупповое количество упоминания категорий в трех выборках			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при попарном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Родственники	16,2	12,3*	16,5	0,01	0,01	–
Друзья	5,4*	3,9	2,7*	0,01	0,01	0,01
Соседи	2,4	2,4	4,1*	–	0,01	0,01
«Звезды»	2,5*	10,7	7,5	0,01	0,05	0,01
Коллеги	7,4	6,8	3,3*	–	0,01	0,01
Соотношение положительных и отрицательных атрибутов (в %) для коллег	<u>73,9%</u> 26,2%	<u>78,5%</u> 21,5%	<u>77,5%</u> 20,7%			
Ученики	1,0	1,9	1,9	–	–	–
Соотношение положительных и отрицательных атрибутов (в %) для учеников	<u>86,4%</u> 13,6%	<u>69,7%</u> 30,3%	<u>59%</u> 39,9%	0,01	–	0,01

¹ Категорией «звезды» были обозначены известные лица в политике, спорте, шоу-бизнесе, писатели, ученые и т.д. – все, с кем отсутствует непосредственно-личный контакт. «Общение» со «звездами» далее мы называем «виртуальным».

Во всех группах наиболее частой категорией являются родственники. Это категория высшего уровня значимости. Различия между выборками наблюдаются на более низких уровнях значимости. Внутригрупповой рейтинг ролей различается тем, что у горожан чаще упоминаются коллеги (7,4) и друзья (5,4), у сельских педагогов – «звезды» (7,5) и соседи (4,1), а северяне чаще упоминают «звезд» (10,7) и коллег (6,8). Ученики завершают рейтинг представленности Других в сознании педагогов. Причем городские учителя вспоминают учеников реже всего (в среднем одного ученика¹), при этом их образы отличаются положительной оценкой. Сравнение групп по t-критерию Стьюдента (см. табл. 1) показывает, что большинство различий между группами высоко значимо, за исключением разницы в частоте упоминания учеников.

Анализ частоты упоминания институционально-ролевых категорий дает определенное представление о значимости соответствующих ролевых отношений и о субъективной вовлеченности в соответствующие отношения и социальные группы. Доступность сознанию, с одной стороны, отражает реальный объем социального взаимодействия, но не только. Например, наибольший объем контактов педагога происходит с учениками, но их представленность в сознании учителей минимальна и высоко избирательна. Поэтому рейтинг количества коллег также может соответствовать вовлеченности в профессиональную группу. С другой стороны, малое количество коллег, представленных в сознании сельских педагогов, может соответствовать малочисленности педколлектива в сельской школе.

Параметры ценностных оценок себя и Других на шкале «антиидеальное–Я–идеальное» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры ценностного отношения к себе и Другим у педагогов из трех мест проживания

Параметр	Среднегрупповые значения ценностных оценок разного вида			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при попарном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Возраст	35,0	41,7	41,8	–	–	–
Самоценность	0,76*	0,66	0,70	0,01	–	0,05
Количество оценок «выше Я»	13,9	21,4*	17,1	0,01	0,05	–
Количество «равноценных Я»	3,1	2,7	2,9	–	–	–
Количество оценок «выше среднего»	37,8	38,4	33,3*	–	0,01	0,01

¹ Обращение к индивидуальным результатам показывает, что упоминание учеников чаще, но имеется только у 18 педагогов из городской выборки в 78 человек. То есть существуют важные дополнительные факторы мысленного обращения к образам учеников.

Параметр	Среднегрупповые значения ценностных оценок разного вида			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при попарном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Количество «идеальных» оценок	4,5	4,0	2,6*	–	0,05	0,05
Количество «антиидеальных» оценок	3,1*	1,8	1,6	0,05	–	0,01
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	3,0	4,2	3,0	0,05	–	–
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	8,1	9,3	6,4	–	0,05	–
Ученики, оцененные «выше Я»	0,3	0,5	0,3	–	–	–
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,8	1,3	1,6	–	–	–
Ученики «равноценные Я»	0,0	0,1	0,0	–	–	–
Коллеги, оцененные «выше Я»	1,7	3,0*	1,1	0,05	0,01	–
Коллеги, оцененные «ниже Я»	5,5	3,6	2,0	–	–	–
Коллеги «равноценные Я»	0,1	0,4	0,2	–	–	–

* Жирным выделены значения, имеющие значимые различия с показателями двух других групп по данному параметру.

Из табл. 2 следует, что для *городских учителей* свойственны более высокая самооценка и повышенное количество «антиидеальных» оценок. Учителя *северного поселка* склонны чаще переоценивать Других, в том числе своих коллег, по сравнению с собой. *Сельские учителя* значимо реже идеализируют Других и реже оценивают их «выше среднего» – т.е. отличаются в целом менее позитивным социальным восприятием.

Обобщенная характеристика групп может скрывать в себе важные внутригрупповые различия, обусловленные дополнительными переменными. С целью конкретизировать обобщенные социально-психологические показатели и выделить «подтипы» в каждой группе учителей был проведен кластерный анализ по методу k-средних Мак Куина.

Кластерные решения для изучаемых групп. В табл. 3–5 отражены кластерные решения для каждой выборки. В табл. 3 представлены реаль-

ные значения кластеров для *педагогов города*. Они интерпретируются как *тенденции* величин соответствующих признаков.

Таблица 3

**Результаты кластерного анализа параметров ценностного оценивания
в группе городских учителей**

Параметры анализа	Кластеры			
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Объем кластера	27	20	23	13
Возраст	28,0	26,9	39,7	53,6
Самоценность (интегральная самооценка)	0,8	0,6	0,9	0,7
Количество оценок «выше Я»	8,67	29	2,7	21,3
Количество оценок «выше среднего»	32,0	40,5	43,6	35,5
Количество «равноценных Я»	1,7	3	3,2	6
Количество «идеальных» оценок	3,5	3,3	3,4	10,4
Количество «антиидеальных» оценок	2,9	2,3	4	3,2
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	2,7	3,5	3,0	2,5
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	3	12,9	10,8	6,7
Количество упоминаний родственников	14,2	17,8	17,3	16,2
Количество упоминаний друзей	6,8	8,9	6,6	3,3
Количество упоминаний «звезд»	1,7	2,1	1,7	6,5
Количество упоминаний учеников	0,5	0,8	1,1	2,5
Ученики с положительными атрибутами	0,4	0,6	0,9	2,4
Ученики с негативными атрибутами	0,1	0,2	0,2	0,1
Ученики, оцененные «выше Я»	0	0,5	0	0,9
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,4	0,3	1,1	1,5
Ученики, «равноценные Я»	0	0	0	0,1
Количество упоминаний коллег	6,3	8,3	9,6	4,2
Коллеги с положительными атрибутами	4	6,3	7,3	3,8
Коллеги с отрицательными атрибутами	2,3	2	2,3	0,5
Коллеги, оцененные «выше Я»	1	4,4	0,2	1,5
Коллеги, оцененные «ниже Я»	5,3	3,5	9,2	2,5
Коллеги, «равноценные Я»	0	0,6	0,3	0,3

В группе городских учителей выделено 4 кластера, для которых очевидное значение имеет возраст педагогов. Средний возраст в первых двух кластерах – 27 и 28 лет. Кластер № 3 – сорокалетние, кластер № 4 – учителя предпенсионного возраста.

Первые два кластера – близкие по возрасту молодых учителя – кардинально различаются отношением к Другим. В кластере № 2 «антиидеальные» оценки очень мягкие, т.е. «порог антиидеального» самый большой. Эти педагоги значимо чаще оценивают Других, в том числе коллег и учеников, «выше себя». Столь позитивное социальное восприятие сопровождается нормальной или относительно сниженной самооценкой и высоким количеством друзей. Очевидно, что это молодые учителя, у которых в жизни и профессии «все хорошо», их радует и вдохновляет окружение.

Кластер № 1, напротив, характеризуется минимальным «порогом» антиидеальных оценок, т.е. крайне категоричными негативными оценками в адрес «антиидеалов». Также мы видим снижение частоты упоминания родственников, друзей, учеников, оценок «выше среднего» и минимум оценок «равноценных Я». Все это заставляет предположить, что это интровертированные и менее оптимистичные молодые учителя.

Кластер № 3 – сорокалетние. Здесь мы фиксируем максимум оценок «выше среднего», преобладание учеников с положительными характеристиками, максимум коллег с наибольшей частотой позитивных атрибутов. Оценки Других, в том числе коллег, «ниже Я» – в данном случае результат максимально высокой самооценки. Таким образом, эта группа демонстрирует высокую самооценку и позитивное восприятие Других. Вероятно, это обусловлено пиком творческой самореализации.

В кластере № 4 мы видим принципиально иное отношение к себе и Другим. Здесь частота упоминания коллег снижается до минимума, что может говорить об определенной неудовлетворенности в сфере профессиональных отношений. При этом возрастает частота упоминания учеников, что свидетельствует об их значимости. В данном кластере появляются совершенно новые тенденции: многократное возрастание упоминания «звезд» и максимум «идеальных» образов, а также стремление ценить Других как равноценных себе. Вероятно, это признаки «зрелого» возраста, компенсирующие ожидаемые социальные изменения у педагогов данной группы.

Для выборки *сельских педагогов* получено решение из пяти кластеров, представленное в табл. 4.

Таблица 4

Результаты кластерного анализа в группе сельских учителей

Параметры анализа	Кластеры				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Объем кластера	16	28	28	19	22
Возраст	41,9	44,9	42,4	40,1	38,5
Самооценка	0,6	0,7	0,65	0,7	0,8
Количество оценок «выше Я»	40,8	7,3	18,3	17,6	10,0
Количество оценок «выше среднего»	43,2	21,5	30,3	33,4	43,9
Количество «равноценных Я»	0,8	4,5	1,3	2	5,3
Количество «идеальных Других»	2,6	1,6	2,5	3,26	3,4
Количество «антиидеальных Других»	0,8	1,8	1,9	2,3	0,8
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	3,25	4,6	2,5	2	2,6
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	6,9	4,2	4,9	4,0	12,3
Родственники	23,9	20,6	8,5	6,5	24,7
Друзья	0,1	0,2	0,1	0,5	0,4
«Звезды»	4,4	3,9	3,0	0,8	3,9
Ученики	2,8	4,1	5,5	5,7	2,2
Ученики с положительными атрибутами	0,8	1,9	3,8	0,7	1,5
Ученики с отрицательными атрибутами	0,5	1,4	2,0	0,3	0,8

Параметры анализа	Кластеры				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Ученики, оцененные «выше Я»	0,3	0,5	1,8	0,4	0,4
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,6	0,0	0,5	0,2	0,2
Ученики, «равноценные Я»	0,2	1,8	3,3	0,5	1,0
Коллеги с положительными атрибутами	3,3	4,4	3,3	2,2	2,9
Коллеги с отрицательными атрибутами	2,6	3,3	2,4	2,0	2,1
Коллеги, оцененные «выше Я»	0,5	1,1	0,9	0,2	0,7
Коллеги, оцененные «ниже Я»	2,6	0,4	1,8	0,6	0,4
Коллеги, «равноценные Я»	0,6	3,9	1,5	1,1	2,2

Отметим, что для сельской выборки не находилось решения с меньшим количеством кластеров. Данная выборка более однородна по возрасту, поэтому возраст, как следует из таблицы, перестает играть роль решающей дополнительной переменной. Основанием деления выступают не крупные различия, связанные с этапами профессиональной социализации, а более многочисленные факторы личностных и микросоциальных особенностей.

В кластере № 1 максимум родственников, минимум коллег и учеников. Выделяется склонность педагогов ценить Других «выше Я» и «выше среднего» на фоне скромной самооценки. При этом коллеги и ученики оцениваются еще «ниже Я». Это говорит о недооценке профессиональных отношений и высокой значимости семьи и быта у педагогов данной группы.

Кластер № 5 аналогичен кластеру № 1 по ролевому составу, но кардинально отличается от первого и от остальных максимально позитивными ценностными отношениями. Здесь максимум оценок «выше среднего» и «идеалов», самая высокая самооценка и максимально высокий порог «антиидеальных» оценок. Возможно, определенную роль играет самый молодой возраст в данной выборке, позволяющий чувствовать свою привлекательность на фоне других и дающий некоторое чувство перспективы. Можно предполагать, что в этот кластер вошли сельские лидеры, имеющие высокий статус на селе как носители культуры, организаторы. Также возможно, что они имеют руководящие должности в школах.

Кластеры № 3 и № 4 мало отличимы друг от друга. Они указывают на существенно меньшее количество родственников, большее упоминание учеников, реалистичную самооценку, сниженное, но реалистичное (среднее по всей выборке) количество Других «выше среднего». Имеются нюансы в отношениях с коллегами и учениками, что, возможно, связано с личностными особенностями. Между кластерами имеется небольшое (двухлетнее) возрастное различие.

Наконец, кластер № 2 представляет группу 45-летних. По ролевой структуре ярких особенностей нет. Но ценностные отношения отличаются минимальным количеством «идеалов», резким снижением частоты

оценок «выше среднего». Последний показатель свидетельствует о неблагоприятной тенденции пессимистического (если не депрессивного) мировосприятия.

Далее представлены результаты кластеризации выборки *педагогов северного поселения* (табл. 5).

Таблица 5

Результаты кластерного анализа в группе педагогов северного поселения

Параметры анализа	Кластеры			
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Объем кластера	23	24	8	20
Возраст	44,5	39,2	29,3	46,5
Самооценка	0,6	0,7	0,7	0,7
Количество оценок «выше Я»	34,4	8,5	33,4	17,2
Количество оценок «выше среднего»	38,4	35,6	46,8	38,7
Количество оценок «равноценно Я»	1,3	2,8	6,3	2,7
Количество «идеальных Других»	3,7	2,7	4,4	5,6
Количество «антиидеальных Других»	1,4	1,6	2,8	2,3
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	3,7	5,3	4	3,4
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	7,3	6,4	26,4	8,4
Родственники	11,4	15,2	13,9	9,2
Друзья	4,7	6,3	5	2,4
«Звезды»	7,0	4,4	7,0	24,0
Ученики	1,4	3,3	2,1	0,6
Ученики с положительными атрибутами	1,2	2	1,9	0,4
Ученики с отрицательными атрибутами	0,3	1,3	0,3	0,2
Ученики, оцененные «выше Я»	1	0,1	1,5	0,1
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,4	3,0	0,1	0,5
Ученики, «равноценные Я»	0	0,1	0,3	0
Коллеги	9,2	8,5	4,4	3,1
Коллеги с положительными атрибутами	7,2	6,3	4,1	2,7
Коллеги с отрицательными атрибутами	2	2,3	0,3	0,4
Коллеги, оцененные «выше Я»	6,8	1,0	2,3	1,4
Коллеги, оцененные «ниже Я»	2,3	7,6	0,6	1,6
Коллеги, «равноценные Я»	0,2	0,4	1,6	0,2

Здесь выделены четыре кластера. Рассмотрим их по увеличению возраста.

Кластер № 3, самый малочисленный, – учителя, близкие к тридцатилетию, – это наиболее молодая и наиболее «позитивная» часть выборки. Ролевая структура Других без особенностей. Специфика ценностных отношений: максимум оценок «выше среднего», «выше Я» и «равноценно Я» на фоне высокой самооценки. Максимально высокий порог «антиидеального». Практически все названные коллеги и ученики оцениваются выше себя. Но фиксации на профессиональных отношениях нет. По сравнению с другими кластерами частота упоминания коллег и учащихся

невысока. Это сверхоптимистичное, радужное восприятие жизни в целом. Очевидно, что недавняя серьезная перемена в жизни – миграция и сравнение материальных условий на прежнем и новом месте – способствует сверхоптимистичному мировосприятию.

Кластер № 2 – учителя, приближающиеся к сорокалетию. Не склонны ценить Других «выше Я» и «равноценно Я». Коллег, даже «положительных», оценивают ниже себя. В сознании преобладают друзья, ученики, коллеги и минимум «звезд». Данная группа вовлечена в реальное общение, профессиональную деятельность, именно в работу с учащимися, и высоко оценивает себя на фоне своего коллектива. Это группа профессиональной творческой самореализации.

Кластеры № 1 и № 4 близки по возрасту (в среднем 45 лет), но различны по ролевому составу и ценностным оценкам Других. Кластер № 1 отличает ориентация на коллег, а также склонность оценивать «выше себя» и коллег, и учеников при относительно сниженной самооценке.

Кластер № 4 – самая старшая возрастная группа. Здесь максимальное количество идеализированных оценок. Образы Других в большинстве представлены «звездами», сравнительно малым числом родственников и минимальным числом друзей, учеников и коллег. Подобные изменения институционально-ролевой структуры Других показывают отчуждение от профессии и уход в виртуальный мир, вероятно, в ожидании жизненных перемен. Мы связываем указанные особенности с ожиданием завершения «северной» карьеры и предстоящим переездом этих учителей в более благоприятную климатическую зону. Виртуальное общение и образы новой жизни вытесняют значимость реальной профессиональной жизни.

Обсуждение результатов

Состав образов Других в сознании человека и структура ценностных отношений к ним соответствуют позиции человека в макросоциальной и микросоциальной ситуациях, сложившихся в месте его проживания. Спектр институциональных ролей отражает состав и значимость социальных групп, в которые включен человек. Ценностные отношения к Другим репрезентируют значимость и смысл этих групп и лиц для текущего жизненного этапа.

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов города

Рейтинг упоминания учеников во всех группах является самым низким, но у городских педагогов он наиболее низок. При этом по частоте негативных атрибутов, приписанных ученикам (см. табл. 2), городские учителя значимо отличаются от других выборок: горожане не помнят «отрицательных» учеников. Вероятно, одаренные ученики и их достижения становятся «инструментом» самореализации учителя, поэтому городские учителя припоминают немногих «положительных», в отличие от

«отрицательных» учеников у педагогов других групп. Для горожан значимость педагогического коллектива является очень высокой. Коллеги припоминаются в 7 раз чаще, чем ученики. Получается, что основным смыслом и предметом профессиональной деятельности становится не ученик, а сам учитель, его профессиональное самоутверждение и признание коллегами.

Мы связываем этот факт со значительной творческой конкуренцией среди городских педагогов. Различия в уровне образовательных учреждений города с ощутимым различием в оплате труда заставляют педагогов постоянно сравнивать себя с Другими. Конкурентность профессиональных отношений проявляется в преобладании оценок коллег «ниже себя». Конкурентная среда способствует значимо более высокой самооценке и большему количеству резко негативных («антиидеальных») оценок в сравнении с другими группами (см. табл. 2).

Еще одной чертой городских педагогов является самое низкое присутствие «звезд» в их сознании. Это говорит о сравнительной незначимости виртуального общения и медиагероев. Педагоги города погружены в эмоционально-насыщенное семейное («родственники»), профессиональное («коллеги») и личное («друзья») взаимодействие. Преобладание «коллег» и «друзей» у горожан – свидетельство эмоциональной насыщенности их реального общения в сравнении с виртуальным, а также их вовлеченности в профессиональное взаимодействие.

В городской выборке выделяются возрастные кластеры, которые ответственны в целом типичной динамике профессиональной социализации педагога на протяжении всей его карьеры. На первом этапе профессиональной социализации педагоги дифференцируются на более адаптированных (кластер № 2) и менее адаптированных (кластер № 1) в профессиональной среде. На этом этапе уже можно предсказать их дальнейший профессиональный путь. Вполне вероятно, что менее адаптированные, с негативным восприятием школьной среды уйдут из профессии, а молодежь с «розовым» восприятием будет продолжать творческий рост в школе.

На следующем этапе, к сорокалетию (кластер № 3), наступает пик творческой самореализации педагогов, что сопровождается концентрацией учителей на профессиональном самоутверждении, возможно, в ущерб вниманию к личностям многих учащихся. Сознание педагога сосредоточено в среднем на одном ученике с позитивной характеристикой. В период завершения профессиональной карьеры изменяются структура и значимость социальных отношений внутри профессиональной среды (кластер № 4). Изменяется смысл профессии: она становится более центрированной на учениках, а не на профессиональном самоутверждении. Появляется тенденция ценить Других «равноценно Я». Возникает компенсаторная тенденция к увеличению количества образов-«идеалов». Идеализированные образы в сознании человека обостряют переживание жизненных ценностей. Это происходит на фоне общего снижения оптимистичности восприятия,

что видно по снижению частоты оценок «выше среднего». В жизненных отношениях появляются «звезды» – виртуальные образы, заполняющие лакуны реального общения и отношений. То есть в период завершения профессиональной карьеры мы наблюдаем и изменение структуры отношений внутри профессии, и расширение значимых отношений жизненного мира за пределы профессиональной среды, и зарождающееся понимание драматичности бытия, склонность чувствовать себя «наравне со всеми».

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов села

Вся сельская выборка относится к возрасту «творческой зрелости», поэтому кластерный анализ не обнаруживает возрастных срезов профессиональной социализации. Это важная характеристика выборки: в ней нет ни молодых, ни педагогов пенсионного возраста. Очевидно, что привлекательность профессии уступает заботам о внуках и домашнем хозяйстве, которое в условиях села является основным фактором благосостояния. Педагоги с возрастом не стремятся остаться в профессии, чувствовать свою профессиональную востребованность. Родственные связи являются источником большего жизненного удовлетворения. Можно предположить, что у сельских педагогов, в отличие от успешных городских учителей, нет такой профессиональной ностальгии, и завершение профессиональной социализации наступает раньше.

Поскольку выборка относительно однородна по возрасту, кластеризация отражает нюансы, связанные с личностными особенностями и микросоциальными условиями. Микросоциальные условия – это прежде всего внутрисемейные отношения, социальное сравнение себя и соседей, которое также может быть источником удовлетворенности. Особенности кластеров показали наиболее позитивные ценностные отношения у младшей выборки со средним возрастом около 39 лет. Значительная часть выборки, позитивно оценивая родственников, критично относится к себе и коллегам. Центральными смыслами могут быть успехи и благополучие детей и внуков. В нашем предыдущем анализе образов сознания сельских учителей на меньшей выборке (76 чел.) было показано, что вовлеченность в профессию и одновременно критичное отношение к профессиональной среде имеется у 14,7% обследованных учителей. А 66% учителей по содержанию образов сознания соответствуют типу «счастливой и благодушной жены и матери» [31].

Для сельских учителей характерны образы «звезд», что может компенсировать ограниченный круг реального общения в местах их проживания. «Звезды» и телевидение, можно полагать, не только разнообразят более узкий круг общения на селе, но и объединяют семью в совместном вечернем отдыхе, а также могут быть предметом обсуждения на работе¹.

¹ Данное утверждение необходимо проверить эмпирически. Действительно интересно, что является объединяющей основой в неформальном общении в педколлективах – «звезды», бытовые вопросы, учащиеся, родители, организация труда или вопросы педагогического мастерства?

Профессиональная среда по значимости сравнима с бытом, общением с соседями и значительно уступает виртуальному общению. При этом педагоги оценивают своих коллег «ниже Я» вдвое чаще, чем «выше Я». Недооценка коллег говорит о проблемах в коллективах сельских школ. Частота припоминания коллег приближается к частоте припоминания учеников. Это свидетельствует о близкой значимости и коллег, и учеников в общем «школьном мире». В сознании в равной степени представлены ученики с положительными и негативными оценками – т.е. предметом заботы сельского учителя являются как достижения сильных, так и проблемы слабых учащихся.

Результаты общегруппового исследования (см. табл. 2) свидетельствуют о достоверно меньшей позитивности значимых отношений у педагогов села по сравнению с городом. Это, несомненно, негативный симптом, который соответствует литературным данным о высокой эмоциональной нагрузке, связанной с вовлеченностью в часто неразрешимые социальные проблемы учеников, об отношении к учащимся как к своим детям. Можно также предполагать, что данный симптом отражает противоречие между современными образовательными стандартами и бедностью социальных и профессиональных контактов сельского педагога, ограниченной возможностью коллективного профессионального творчества и саморазвития.

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов северного поселения

Специфика северян видна в высокой значимости коллег (см. табл. 1) и их переоценке по сравнению с Я (см. табл. 2). Это говорит о наиболее позитивном восприятии профессиональной среды и общей повышенной склонности ценить Других «выше среднего». Ориентация и на сильных, и на слабых учеников также характерна для учителей данной группы.

Высокая значимость «звезд» (см. табл. 1) для учителей-северян свидетельствует о меньшей насыщенности реальных отношений по сравнению с городскими учителями. Это может быть связано с переживанием определенного «культурного вакуума» на новом месте проживания. Перехавшие из города на север учителя попадают в новую, по сути, сельскую местность. Здесь функционирует, как правило, одна-две школы, культурная жизнь, в сравнении с городом, скудна, отсутствуют сложившиеся межличностные связи. Обращение к образам «звезд» в данном случае задействует те эмоционально-мотивационные ресурсы, которые растрочены в условиях напряженной городской среды.

Ранее нами были отмечены сравнительно большая удовлетворенность педагогов северного поселения своими отношениями, позитивность и реалистичность в самооценке, в оценке «идеалов» и «антиидеалов», большая автономия [3].

Кластерный анализ выборки северян показал три основных периода профессиональной жизни педагогов, обусловленных именно местом про-

живания. Первый период – это *восторженное начало* (кластер № 3): коллеги и ученики воспринимаются лучше, чем можно было желать. Этот период, вероятно, обусловлен стрессом миграции и улучшением материального положения и жилищных условий на новом месте. Второй период – *творческая профессиональная самореализация* (кластер № 2). По возрасту данный период совпадает с аналогичным периодом педагогов из большого города. Общность с городскими педагогами заключается в профессиональном соперничестве и самоутверждении, что проявляется в оценках коллег «ниже Я», а также в вовлеченности в реальную жизнь, что проявляется в уменьшении количества образов «звезд» и в увеличении количества образов коллег в сознании педагогов. Отличие от городских педагогов – в возрастании значимости учеников, увеличении частоты их упоминаний. Третий период – *приближение завершения карьеры*. Здесь мы наблюдаем разделение жизненного замысла педагогов на две линии. Первая (кластер № 1) – преданность коллективу, стабилизация профессиональных амбиций и, вероятно, жизненных отношений в целом. В этом случае на фоне адекватного снижения самооценки происходит максимальное повышение значимости и высокой оценки своих коллег. Для этой группы характерна высокая частота оценок «выше Я» в целом. Вторая линия (кластер № 4) – отчуждение от профессии, ожидание жизненных перемен, возможно, связанных с миграцией на новое место жительства, в более благоприятную климатическую зону.

Ограничения и перспективы исследования

Следует отметить, что в интерпретации данных мы опирались на общеизвестные по литературным данным общие характеристики социальных отношений в городе, селе и северных поселениях. Мы не фиксировали социально-экономические характеристики в конкретных местах проживания респондентов. Поэтому объяснения различий состава образов Других и ценностного отношения к ним с опорой на социоэкономические условия требуют дополнительного подтверждения. Мы также не оценивали микро-социальные условия (климат коллектива, отношения в семье) и жизненные планы, которые, безусловно, связаны с изучаемыми образами сознания. Поэтому подтверждение полученных результатов должно быть получено с расширением спектра анализируемых данных.

Полученные результаты позволяют выдвинуть ряд вопросов, перспективных для дальнейших исследований:

– Почему в северном поселении 45-летние педагоги делятся на две контрастные группы по отношению к себе и своим коллегам? Что заставляет одних переживать повышенную значимость коллектива, тогда как других – обесценивать его?

– Насколько связана оптимистичность и удовлетворенность педагогов-северян с личностными характеристиками, опытом миграций?

– Отличаются ли выборки сельских учителей и учителей-северян локусом контроля? Связан ли внутренний локус контроля с миграцией и большей профессиональной удовлетворенностью?

– Что является действительными причинами профессионального отчуждения и пессимизма сельских учителей? Здесь необходимо выяснить рейтинг разнообразных мотивов, среди которых могут быть и общая социально-экономическая депрессивность сельских территорий, и недостатки в повышении квалификации, и отсутствие профессиональной творческой среды и др.

– Каковы причины и условия позитивного восприятия профессиональных отношений и мира в целом у 20% сельских учителей?

– Возможно ли гармоничное сочетание ценностной центрации на учениках и ценностной ориентации на профессиональное самоутверждение? Если да, то, какие условия этому способствуют? Данный вопрос не является тривиальным, поскольку современные представления Ш. Шварца о структуре ценностей утверждают взаимную противоположность ценностей достижения и самотрансценденции.

– Насколько необходима духовная центрация на учениках в современной благополучной городской школе?

Практическая значимость результатов

Полученные результаты, с одной стороны, обнаруживают *ограничения для психологической практики*, поскольку указывают на предполагаемые *макросоциальные и макроэкономические условия* различий в структуре образов сознания и ценностных отношений респондентов.

С другой стороны, полученные данные раскрывают специфичные направления психологического сопровождения педагогов в разных местах проживания. В городе приоритетными направлениями могут быть:

– психологическая поддержка молодых учителей в период профессиональной адаптации;

– коучинг для педагогов с высокой потребностью в профессиональном самоутверждении;

– экзистенциальная практическая психология для педагогов предпенсионного возраста.

В сельских школах задачей психологического сопровождения педагогов могут быть в первую очередь исследование профессиональной мотивации педагогов, изучение их оценок профессиональной среды, их предложений по развитию школ. Органы управления образованием должны поддерживать развитие электронной профессиональной сети в сельских школах и вовлечение в профессиональную коммуникацию школьных педагогов.

В северных поселениях с притоком и оттоком кадров психологи школы могут также уделить внимание изучению отношений в коллективе

и профессиональной мотивации педагогов в период, предшествующий завершению карьеры. Эти данные могут быть информативными для диагностики и профилактики профессионального отчуждения.

Добавим, что в решении диагностики профессиональных отношений и их прогноза в качестве одного из методов может быть использован метод анализа образов сознания, результативность которого продемонстрирована в данной статье.

Заключение

В результате изучения актуальных образов сознания педагогов из трех различных мест проживания – города, сельских школ и северного поселения – мы пришли к следующим выводам.

Институционально-ролевое содержание образов Других и ценностные отношения к ним существенно различаются в связи с местом проживания респондентов и отражают структуру и значимость профессиональных отношений педагогов.

В каждом месте проживания наряду с некоторыми преимуществами видны *специфические негативные тенденции отчуждения* от профессии. В городе отчуждение обусловлено неуспешной профессиональной адаптацией части молодых учителей. В северном поселении отчуждение типично для 45-летних, завершающих северную карьеру. В сельских регионах отчуждение сопровождается поглощенностью бытом, первостепенной значимостью соседских отношений.

Результаты исследования выявляет *разные формы вовлеченности* в профессию, разный смысл ее, обусловленный спецификой социальных отношений в месте проживания. В конкурентной инновационной среде города смысл работы – профессиональное самоутверждение. В сельской местности, где малочисленность учащихся делает их важными, равноценными участниками социальных отношений, педагоги чаще думают об учениках. В северном поселении педагоги в наибольшей степени влияют на свою жизнь, начиная с выбора места проживания для себя. Им чаще свойственна высокая ценность и своего коллектива, и учащихся.

Обнаружено изменение состава образов и их значимости *на протяжении профессиональной карьеры*, которое свидетельствует о динамике смысла профессиональных отношений. Динамика профессиональной карьеры различается в городе, сельской местности и северном поселении. В городе структура образов Других у педагогов разного возраста соответствует полному циклу профессиональной социализации. Профессиональная социализация педагогов села завершается раньше, им не свойственно «держаться за работу» с возрастом. Цикл социализации педагогов-северян начинается с высокой удовлетворенности профессиональными отношениями и нередко завершается отчуждением от профессии.

Характеризуя метод исследования, можно заключить, что институционально-ролевая структура образов Других в сознании человека и параметры ценностного отношения к Другим являются полезным средством описания и анализа особенностей социализации социальных групп и индивидов. Образы Других и их оценки поддаются объективному количественному описанию, что делает их перспективным объектом в сравнительных и лонгитюдных исследованиях социализации.

Литература

1. Николаева И.А. Субъективный образ социального мира как репрезентация социальной ситуации развития личности // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Физиология, психология и медицина. 2008. № 12. С. 71–78.
2. Елизаров С.Г. Включенность субъекта в социальную среду: основные направления исследований в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2009. Т. 2. С. 135–141.
3. Николаева И.А., Зайнулина Ю.И. Ценностные отношения к себе и другим у педагогов из северного поселения // Актуальные проблемы права, экономики и управления / ред. Виноградов Б.Ю. Иркутск : РИО САПЭУ, 2016. С. 268–271.
4. Chapin F.S., III, Knapp C.N. Sense of place: a process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability // Environmental Science & Policy. 2015. Vol. 53. P. 38–46. DOI: 10.1016/j.envsci.2015.04.012.
5. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // Journal of environmental psychology. 2011. Vol. 31. P. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001.
6. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 170. P. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073.
7. Kashima Y., Paladino A., Margetts E.A. Environmentalist identity and environmental striving // Journal of environmental psychology. 2014. Vol. 38. P. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
8. Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. DOI: 10.17223/17267080/58/10.
9. Oishi S., Rothman A.J., Snyder M. et al. The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability // Journal of personality and social psychology. 2007. Vol. 93, № 5. P. 831–844. DOI: 10.1037/0022-3514.93.5.831.
10. Oishi S., Lun J., Sherman G.D. Residential mobility, self-concept, and positive affect in social interactions // Journal of personality and social psychology. 2007. Vol. 93, № 1. P. 131–141. DOI: 10.1037/0022-3514.93.1.131.
11. Богомаз С.А., Мацуга В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
12. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117–120.
13. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102–112.

14. Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* / ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 262–297.
15. Долгова Н.В. Психосемантический анализ обыденных представлений москвичей о городе // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 49–60.
16. Шемелина О.С., Цыганкова О.Е. Образы «города-мечты» и реального города в представлении жителей крупного и малого городов // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 27–48.
17. Немолот Е.В. Ценностно-смысловые характеристики профессиональной самореализации личности педагога-психолога в условиях малого города / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2014. 24 с.
18. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // *International journal of psychology*. 2001. Vol. 36, № 2. P. 88–99. DOI: 10.1080/0020759004200010036(2).
19. Oishi S., Kesebir S., Miao F.F., Talhelm T., Endo Y., Uchida Y., ..., Norasakkunkit V. Residential mobility increases motivation to expand social network: But why? *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49 (2), P. 217–223. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.10.008.
20. Lun J., Roth D., Oishi S., Kesebir S. Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy // *Social Psychological and Personality Science*. 2014. Vol. 4. P. 332–339. DOI: 10.1177/1948550612453345.
21. Попова М.А., Говорухина А.А., Дронь А.Ю. Мониторинг функционального состояния педагогов, проживающих на Севере // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 1. С. 166–174.
22. Неклюдова С.В., Петрова В.Н. Психологические основания исследования территориально-профессиональной мобильности // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : сб. материалов III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. web-конференции*. 2017. С. 209–214. DOI: 10.17223/9785946216104/30.
23. Ежкова Н.В. Профессиональное самочувствие педагогов вузов малых городов в сфере вторичной занятости // *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 1 (44). С. 102–104.
24. Соколова Е.А. Стереотипный образ учителя в прессе провинциального города : гендерный аспект // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 10. С. 180–183.
25. Кукуев Е.А. Город как открытая система: оценки реализуемости базисных ценностей субъектов образования // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 145–165.
26. Семенова Е.В., Лютавина Е. Особенности взаимодействия педагога с родителями в условиях сельской школы // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2016. № 1. С. 176–180.
27. Лелюхин С.В. Роли сельских учительниц: анализ случая в Саратовской области // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 4. С. 10–15.
28. Байбородова Л.В. Воспитание и обучение в сельской малочисленной школе : учеб. пособие. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2004. 357 с.
29. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 1. Изучение содержания личностных ценностей // *Сибирский психологический журнал*. 2010. № 38. С. 70–77.

30. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 2. Структурные феномены ценностного оценивания // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 112–120.
31. Николаева И.А., Зайнулина Ю.И. Личность сельского учителя как фактор инновационной социализации сельских школьников // Человек в экономических и социальных отношениях / ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. С. 291–293.

*Поступила в редакцию 30.06.2018г.; повторно 30.09.2018 г.;
принята 13.11.2018 г.*

Сведения об авторах:

Николаева Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Зайнулина Юлия Ирековна, аспирант кафедры общей и социальной психологии Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: zainulina_ui@list.ru

IMAGES OF ‘OTHER’ PEOPLE IN THE MIND OF TEACHERS FROM URBAN AREAS, COUNTRYSIDES, AND FROM THE NORTHERN SETTLEMENT

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 131–154

DOI: 10.17223/17267080/70/10

Irina A. Nikolaeva, Yuliya I. Zajynulina, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru; zainulina_ui@list.ru

Keywords: images of ‘other’ people; significant others; place of residence; teachers; institutional role structure; value attitudes; implicit significance; socialization.

The research aims to describe the institutional composition of significant others for teachers and their value attitudes to themselves and other people based on the difference in the place of residence (city, village, and a northern settlement).

The sampling is presented by 3 groups of teachers (women): 113 teachers from villages of Mishkinskiy Region, Bashkortostan; 83 teachers from Sterlitamak in Bashkortostan; and 75 teachers from the work settlement Nizjniy Sartim in Hanty-Mansiyskiy autonomous region.

In the present research the practical method, developed by I. A. Nikolaeva, is used. This method enables to describe the social role structure of significant others and the attitude towards them.

Results: Comparison of the groups based on the Student t-criterion demonstrates significant differences at the level $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$. The teachers from the group of city inhabitants tend to prefer real social relations as opposed to virtual ones, and they pay more attention to more capable students. For their value system self-respect and critical attitude to others are typical. The teachers from the countryside are more family- and neighbors-oriented and tend to underestimate the professional sphere. The lack of positive social perception also takes place. The institutional composition of significant others among teachers from work settlements demonstrate 2 tendencies: on the one hand, they overestimate the importance of the professional sphere, on the other hand, they tend to prefer virtual relations and demonstrate alienation from the school background. More detailed results of the cluster analysis, taking into consideration the age of the participants, are also presented in the research.

The above-mentioned results allow us to do the following suppositions, relevant for further research:

1. The decrease of social and economic relations in the place of residence causes the tendency to estimate the relevant others as “below the average”.

2. High competition in the professional sphere causes high self-esteem and idealized “black and white” attitude towards the others.

3. The predominance of migrants in the place of residence inspires the newcomers to highly appreciate their profession, and the teachers with a long term of service tend to prefer virtual communication.

4. High or low competitive environment in the place of residence influences the teacher’s work: the teachers from the group of city inhabitants pay more attention to the achievements of more capable students, while the teachers from the countryside and the work settlement are oriented to help the weaker students.

References

1. Nikolaeva, I.A. (2008) Sub"ektivnyy obraz sotsial'nogo mira kak reprezentatsiya sotsial'noy situatsii razvitiya lichnosti [The Subjective Image of the social world as a representation of the social situation of personality development]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Fiziologiya, psikhologiya i meditsina*. 12. pp. 71–78.
2. Elizarov, S.G. (2009) Vkluchennost' sub"ekta v sotsial'nyu sredu: osnovnye napravleniya issledovaniy v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii [The inclusion of the subject in the social environment: main directions of research in foreign and Russian psychology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psikhologicheskiye nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences*". 2. pp. 135–141.
3. Nikolaeva, I.A. & Zaynulina, Yu.I. Tsennostnye otnosheniya k sebe i drugim u pedagogov iz severnogo poseleniya [Axiological attitudes towards self and others among teachers from the northern settlement]. In: Vinogradov, B.Yu. *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* [Topical problems of law, economics and management] Irkutsk: RIO SAPEU. pp. 268–271.
4. Chapin, F.S., III & Knapp C.N. (2015) Sense of place: a process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability. *Environmental Science & Policy*. 53. pp. 38–46. DOI: 10.1016/j.envsci.2015.04.012
5. Lewicka, M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of Environmental Psychology*. 31. pp. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001
6. Ujanga, N. & Zakariya, K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 170. pp. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073
7. Kashima, Y., Paladino, A. & Margetts, E.A. (2014) Environmentalist identity and environmental striving. *Journal of Environmental Psychology*. 38. pp. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
8. Muravyova, O.I., Litvina, S.A. & Bogomaz, S.A. (2015) Environmental identity: the concept content. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 58. pp. 136–148. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/10
9. Oishi, S., Rothman, A.J., Snyder, M. et al. (2007) The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability. *Journal of Personality and Social Psychology*. 93(5). pp. 831–844. DOI: 10.1037/0022-3514.93.5.831
10. Oishi, S., Lun, J. & Sherman, G.D. (2007) Residential mobility, self-concept, and positive affect in social interactions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 93(1). pp. 131–141. DOI: 10.1037/0022-3514.93.1.131
11. Bogomaz, S.A. & Matsuta, V.V. (2012) Subjective evaluation of basic value’s realizability in urban environment. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 46. pp. 67–75. (In Russian).

12. Bogomaz, S.A. & Karakulova, O.V. (2013) Evaluation of basic values realizability in local settings (Tomsk) by arts and science-oriented university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 366. pp. 117–120. (In Russian).
13. Bogomaz, S.A., Litvina, S.A. & Chetoshnikova, E.V. (2013) Subjective evaluation of the urban environment of high school by youth of Tomsk and Barnaul. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 49. pp. 102–112. (In Russian).
14. Bogomaz, S.A. (2008) Razlichiya v strukture tsennostey, smyslov i lichnostnykh osobennostey predstaviteley trekh gorodov Sibiri [Differences in the structure of values, meanings and personal characteristics of representatives of three Siberian cities]. In: Znakov, V.V. & Zalevskiy, G.V. (eds) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Axiological foundations of psychological science and the psychology of values]. Moscow: RAS. pp. 262–297.
15. Dolgova, N.V. (2016) Psikhosemanticheskiy analiz obydennykh predstavleniy moskvichey o gorode [Psychosemantic analysis of everyday ideas of the Muscovites about the city]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 49–60.
16. Shemelina, O.S. & Tsygankova, O.E. (2016) Obrazy “goroda-mechty” i real'nogo goroda v predstavlenii zhiteley krupnogo i malogo gorodov [The images of the “city of dreams” and the real city in the view of residents of large and small cities]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 27–48.
17. Nemolot, E.V. (2014) *Tsennostno-smyslovyye kharakteristiki professional'noy samorealizatsii lichnosti pedagoga-psikhologa v usloviyakh malogo goroda* [The axiological semantic characteristics of the professional self-realization of the educational psychologist personality in a town]. Kemerovo: Kemerovo State University.
18. Tartakovsky, E. & Schwartz, S.H. (2001) Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*. 36(2). pp. 88–99. DOI: 10.1080/0020759004200010036(2)
19. Oishi, S., Kesebir, S., Miao, F.F., Talhelm, T., Endo, Y., Uchida, Y. et al. (2013) Residential mobility increases motivation to expand social network: But why? *Journal of Experimental Social Psychology*. 49(2). pp. 217–223. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.10.008
20. Lun, J., Roth, D., Oishi, S. & Kesebir, S. (2014) Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy. *Social Psychological and Personality Science*. 4. pp. 332–339. DOI: 10.1177/1948550612453345
21. Popova, M.A., Govorukhina, A.A. & Dron, A.Yu. (2014) Monitoring of the functional condition of the teachers living in the north. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 1. pp. 166–174. (In Russian).
22. Neklyudova, S.V. & Petrova, V.N. (2017) [Psychological basis of the study of the territorial-professional mobility]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital nomadism as a global and Siberian trend]. Proc. of the International Conference. May 24–26, 2016. pp. 209–214. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946216104/30
23. Ezhkova, N.V. (2011) Professional'noe samochuvstvie pedagogov vuzov malyykh gorodov v sfere vtorichnoy zanyatosti [Professional well-being of university educators in small cities in the field of secondary employment]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 1(44). pp. 102–104.

24. Sokolova, E.A. (2014) A typical image of a teacher in the provincial town press: the gender dimension. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 10. pp. 180–183. (In Russian).
25. Kukuev, E.A. (2016) Gorod kak otkrytaya sistema: otsenki realizuemosti bazisnykh tsennostey sub"ektov obrazovaniya [City as an open system: assessing the feasibility of the basic values of subjects of education]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 145–165.
26. Semenova, E.V. & Lyutavina E. (2016) Osobennosti vzaimodeystviya pedagoga s roditelyami v usloviyakh sel'skoy shkoly [Specificity of interaction between the teacher and parents in a rural school]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnyye kadry*. 1. pp. 176–180.
27. Lelyukhin, S.V. (2013) Roli sel'skikh uchitel'nits: analiz sluchaya v Saratovskoy oblasti [The roles of rural female teachers: a case study of Saratov region]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve - Woman in Russian Society*. 4. pp. 10–15.
28. Bayborodova, L.V. (2004) *Vospitanie i obuchenie v sel'skoy malochislennoy shkole* [Education and training in rural small-numbered school]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
29. Nikolaeva, I.A. (2010) New method for the person's values investigation. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 38. pp. 70–77. (In Russian).
30. Nikolaeva, I.A. (2011) New method for the person's values investigation. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 39. pp. 112–120. (In Russian).
31. Nikolayeva I.A. & Zaynulina, Yu.I. (2012) Lichnost' sel'skogo uchitelya kak faktor innovatsionnoy sotsializatsii sel'skikh shkol'nikov [The identity of the rural teacher as a factor in the innovative socialization of rural schoolchildren]. In: Kupreychenko, A.B. & Shirokov, L.N. (eds) *Chelovek v ekonomicheskikh i sotsial'nykh otnosheniyakh* [Man in Economic and Social Relations]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 291–293.

Received 30.06.2018;

Revised 30.09.2018;

Accepted 13.11.2018